

**Сравнительный анализ оценок влияния государственного регулирования
религиозного ландшафта**

Научный руководитель – Киселев Михаил Сергеевич

Прокудин Василий Леонидович

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский
факультет, Кафедра философии религии и религиоведения, Москва, Россия

E-mail: vasya.prokudin.00@mail.ru

Теория религиозных рынков, зародившаяся во второй половине XX века, предлагала ряд оригинальных решений важных в социологии религии проблем. Однако конкуренция с теорией секуляризации за место господствующей парадигмы, а также ориентация пионеров теории на религиозную ситуацию в США привели к тому, что некоторые решения в рамках «новой парадигмы» оказались недостаточно проработаны с точки зрения сравнительного религиоведения. Одним из подобных решений является оценка роли политических регуляций религии.

Прежде чем перейти к концептуализации регуляции религий и оценкам ее роли, стоит сказать несколько слов об одном из основополагающих концептов теории религиозных экономик – плюрализме. Он понимался родоначальниками теории как количество фирм, действующих в религиозной экономике; с ростом числа фирм увеличивался и показатель плюрализма [6, р. 234]. И, хотя имеют место «нормативные» ограничения выбора религии (когда индивиды побуждаемы выбрать ту или иную религию) [5, р. 442], плюрализм все же оказывает определяющее воздействие на показатели религиозности: при прочих равных условиях уровень религиозного участия прямо пропорционален уровню плюрализма. Кроме того, эффективный религиозный рынок должен быть конкурентным рынком [7, р. 266]. При этом плюрализм является более общим понятием: возможно наличие плюрализма и отсутствие конкуренции, но не обратная ситуация. В таком случае государственное регулирование религии оказывается определяющим фактором уровня плюрализма и в конечном счете – эффективности религиозного рынка.

В работах основателей теории религиозных рынков регуляции оценивались отрицательно. Вмешательство в рыночные механизмы может как создавать отложенный спрос на религию [4, р. 358], так и провоцировать насильственные действия на религиозной почве [3, р. 114]. Плюрализм же, напротив, составляет самую суть религиозного рынка, поскольку рынок как таковой возникает по причине того, что одна фирма не может удовлетворять различные, противоречащие друг другу потребности разных людей [6, р. 233].

Иное понимание регуляции предложил Ян Фэнган. Он полагал, во-первых, что в современном мире не существует нерегулируемой религиозной экономики [2, с. 29], а во-вторых, что жесткая регуляция приведет не к снижению уровня участия, а к усложнению религиозной жизни [2, с. 97]. Исходя из этого, Ян Ф. выстраивает свою концепцию тройственного рынка религии, на котором фирмы используют разные стратегии осуществления своей деятельности, а принадлежность к тому или иному рынку зависит от отношения государства к конкретной религиозной группе. Ян Ф., в отличие от основателей теории религиозных рынков, говорил о возможном положительном влиянии регуляций; в частности, он утверждал, что регулирование религии способно привести к развитию новых религиозных движений.

Однако возможную пользу, которую способно принести государственное регулирование религии, по мысли Яна Ф., оно приносит не той религиозной группе, которая подверглась

регуляции. Более смелое указание на положительную роль регуляций мы видим у Рената Беккина. Мы концептуализируем его историческое описание конкретной религиозной ситуации в России как свидетельство о возможности позитивного эффекта регуляции для той фирмы, которая ей подверглась.

Говоря о религии в Российской империи XVIII века, Р. Беккин указывает, что, согласно законодательству того времени, религии делились на «государственную», «терпимые» и «непризнанные нетерпимые» [1, с. 85-86]. В рамках претворения данного закона в жизнь существовали различные способы регулирования: так, был невозможен переход из более покровительствуемых вероисповеданий в менее покровительственные. Сами организации, однако, рассматривали следование регуляциям как шаг к признанию, то есть как желательную для себя меру: религии, как уже было сказано, подразделялись на три категории, однако другие законы могли помочь религиозной организации перейти в более выгодную для себя стратегию. Так, существовали законы, регламентировавшие численность служителей культа (в 1736 г. соответствующий закон был принят для ислама, в 1741 г. – для буддизма); на первый взгляд, это является классическим примером государственной регуляции и должно восприниматься религиозными фирмами негативно. Однако свою роль играет российская специфика: как утверждает Беккин, регуляция была важнейшим шагом в признании той или иной религии государством. Регулирование воспринималось положительно в том числе потому, что государство, вмешиваясь в дела религиозной организации, должно было тем или иным способом участвовать в решении вопросов, связанных с обеспечением их деятельности [1, с. 89] и постепенно переводить эти организации в рамки признанных.

Таким образом, было продемонстрировано, что классический подход к регуляции со стороны пионеров теории религиозных экономик как к безоговорочно отрицательному явлению может быть проблематизирован. Также это приводит нас к выводу, что российский религиозный ландшафт является уникальным и важным материалом для исследования в рамках теории религиозных рынков и способен внести значительные уточнения в методологический инструментарий теории.

Источники и литература

- 1) Беккин Р.И. «Люди в верности надежные...»: татарские муфтияты и государство в России (XVIII–XXI века). М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 552 с.
- 2) Ян Ф. Религия в Китае. Выживание и возрождение при коммунистическом режиме / Перевод с английского Д. Гальцина. — СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. — 263 с.
- 3) Iannaccone L.R. Extremism and the Economics of Religion // The Economic Record. 2012. Vol. 88. Special Issue (June). P. 110-115.
- 4) Iannaccone L.R., Finke R., Stark R. Deregulating Religion: the Economics of Church and State // Economic Inquiry. 1997. Vol. 35. № 2. P. 350-364.
- 5) Stark R., Finke R., Iannaccone L.R. Pluralism and Piety: England and Wales, 1851 // Journal for the Scientific Study of Religion. 1995. Vol. 34. № 4. P. 431-444.
- 6) Stark R., Iannaccone L.R. A Supply-Side Reinterpretation of the “Secularization” of Europe // Journal for the scientific study of religion. 1994. Vol. 33. № 3. P. 230-252.
- 7) Stark R., Iannaccone L.R. Response to Lechner: Recent Religious Declines in Quebec, Poland, and the Netherlands: a Theory Vindicated // Journal for the Scientific Study of Religion. 1996. Vol. 35. № 3. P. 265-271.